

SEX
ONLY

Ашира Хаан

18+

Ашира Хаан

Sex Only

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51143375

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-07629-7

Аннотация

Любовь? Интриги? Психология? Нет. Только секс. Что может быть между женщиной, которая разочаровалась в любви, и мужчиной, который в любовь никогда не верил? Только секс. Что может изменить людей, которые боятся перемен? Только ли секс? Жаркая Доминикана, холодная Москва, ветреный Питер, сапфиры, шампанское и... не только секс?

Содержание

Самолет	4
Аэропорт	22
Отель	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Самолет

– Ваше место по левому борту, двадцать А, – профессионально улыбнулась мне стюардесса, и я прошла в салон самолета, который обещал мне уже через каких-то десять-одиннадцать часов спасение от московской зимы среди пальм, белого песка и прекрасных мулатов с "пина колладой" на подносе. У меня наконец-то был отпуск, и я летела в Доминикану!

Место у окна на длинном рейсе – прямо благословение божье. Можно поесть, почитать и потом спать до самого прилета, и никто не будет дергать тебя, чтобы сходить в туалет, попить, размять ноги. Я летала в отпуск одна, и часто мне везло – соседнее место оставалось свободным и можно было поспать с комфортом, мало еще кому доступным в эконом-классе.

Но – увы. Не сегодня. Соседнее кресло уже занимал седой мужчина в костюме и галстуке. Очень серьезный на вид, я даже мобилизовала весь свой небогатый английский, чтобы выдать:

– May I... It's my seat near the window, – господи, наверняка опозорилась. А главное, только потом сообразила, что это чартер туроператора, тут иностранцев быть не может.

Он поспешно вскочил с места, пропуская меня к окну, где я быстро сняла зимнюю куртку, запихнула ее в рюкзак, а

рюкзак под сиденье впереди и покосилась на своего соседа. Нам еще всю ночь рядом лететь все-таки.

Мужчина выглядел очень серьезно: очки в тонкой оправе, деловой костюм, какие-то невероятно солидные часы на запястье, газета у него в руках на английском, судя по заголовкам – экономическая, и на иллюстрациях сплошные графики. Вот только с возрастом я ошиблась – несмотря на то, что он почти полностью седой, скорее соль с перцем, чем перец с солью, лицо молодое. Красивый мужик. Такие как он никогда не обращают внимания на таких как я. Поэтому, когда он заметил, что я на него пялюсь, и кинул на меня быстрый взгляд пронзительно-синих глаз, я быстро отвернулась. Даже вытащила из кармашка кресла впереди журнал авиакомпаний и принялась листать с бьющимся сердцем.

– Пожалуйста, пристегните ремни, переведите спинки кресел в вертикальное положение, откройте шторки иллюминаторов и выключите мобильные устройства, наш самолет готовится к взлету! – объявили по громкой связи.

Я полезла за своим телефоном – переводить в режим полета. Краем глаза я заметила, что мой сосед сложил газету, убрал в кожаный портфель для ноутбука и тоже достал телефон, чтобы выключить его. Я улыбнулась – у нас обоих была последняя модель айфона. Он тоже покосился на мой телефон и перевел острый внимательный взгляд на меня.

Я тут же перестала улыбаться.

Знаю, что он подумал.

Если более-менее приличный человек – что я хипстерша, живущая не по средствам, и взяла кредит на последнюю модель модной игрушки.

Если не очень – что я на этот айфон насосала. Вот потому и окинул меня оценивающим взглядом – понять, сколько сосать пришлось.

Я без макияжа, волосы собраны в хвост, в старом свитере, спортивных штанах и пушистых шерстяных носочках – всегда так летаю, если длинный рейс. А он даже галстук не ослабил и ботинки у него сверкают так, что способны освещать путь к аварийным выходам.

И последний айфон мне подарили на работе. Вместо премии. И я до сих пор его стесняюсь, если честно. А такие вылизанные бизнесмены пусть летают в своем бизнес-классе!

Я почему-то злюсь. Стараюсь не смотреть в его сторону, но взгляд постоянно возвращается туда, и я невольно сравниваю себя с ним.

У меня обкусанные на нервах ногти, а у него безупречный мужской маникюр.

Я читаю фэнтези в яркой обложке, а он свою газету на английском.

У меня бутылка воды «Святой источник», а у него «Перье».

Мы несовместимы по такому количеству параметров, что похожи на существ двух разных видов.

Поэтому я и сама не понимаю, как так получается, что уже

через час он прижимает меня к раковине в узком туалете самолета и жестко нанизывает на такой же сухой и жилистый, как он сам, член. Я вижу свои глаза в зеркале с подсветкой. Они светлы до белизны, и только черный ободок подчеркивает узкий от яркого света зрачок.

Моя голова оттянута назад холеной рукой с дорогими часами, а синие глаза за очками ищут мой взгляд в зеркале.

***

Трахаться в туалете чудовищно неудобно, вот что я скажу членам клуба «10000 над землей» – тех, у кого был секс в самолете. Никогда не стремилась туда вступить, оно само.

Пальцы пытаются уцепиться за что-нибудь, но все вокруг либо слишком хрупкое – и я вырываю с мясом пластиковый держатель для туалетной бумаги, либо слишком гладкое – и пальцы скользят по краю раковины. А ему окей – одна рука тянет мои волосы, другая нажимает на поясницу, так что я прогибаюсь назад, ловя губами его жесткие губы. Он коротко меня целует и снова смотрит в глаза моему отражению, прикусывает свою щеку изнутри, стискивает кулак с зажатыми в нем моими волосами сильнее и толкается вперед в последний раз так, что я бьюсь лбом о зеркало. Он не извиняется, да и наплевать.

Меня трясет от того, что сейчас случилось. От этого жесткого секса с незнакомцем через час после того, как мы вооб-

ще увидели друг друга. От того, как он смотрит на меня этим своим пронзительно-оценивающим синим взглядом. От удовольствия, ничего общего не имеющего ни с нежностью, ни с теплотой, ни даже с оргазмами. Это какое-то другое, адреналиново-темное удовольствие, лихое и горячее. Я бы могла сейчас кончить, просто сжав бедра посильнее, но в оргазме я потеряюсь, расслаблюсь, а я не хочу. Мне нравится ощущать брутальную повседневность происходящего. Каждую ее секунду. И этот холодный голубоватый свет обрамляющих зеркало ламп придает сцене оттенок киношной цветовой гаммы. Teal and orange, циан и оранжевый, все нереально, это арт-хаус, это история нимфоманки.

Я не такая. Но как мне это нравится!

Приличная девочка должна испытать нотку унижения от приземленности его действий: вынимает из меня опавший член, стягивает с него презерватив, завязывает узлом, заматывает в несколько слоев туалетной бумаги и выкидывает вместе с блестящей оберткой от него в диспенсер для салфеток. Кстати, презерватив он деловито достал из заднего кармана, как будто садясь в самолет планировал непременно там кого-нибудь отодрать в туалете. И сейчас застегивает ремень на брюках, а в голове ставит галочку в ежедневник: «Ежемесячный взнос в клуб 10000 – check!»

Я быстро натянула свои спортивные штаны, чувствуя, как мышцы сладко ноют, получила легкий поцелуй в губы и уже приготовилась выходить отсюда по отдельности, соблюдая

конспирацию, но он взял меня за руку, отодвинул дверь и вот так же решительно прошел мимо понимающе улыбнувшейся стюардессы. На меня она даже не посмотрела, только пялилась на его задницу. Эй, сучка, это мое! Ну, пусть ненадолго, но мое.

Никого вообще не волнует, куда мы вместе ходили, зачем, как вернулись, потому что развозят ужин. Все эти «курица или рыба», «а можно второй томатный сок», «сэр, простите, алкоголь на борту не разрешен», «да, сейчас принесу еще молока». Наши коробочки с маркировкой в виде веселой коровки на крышке стоят на откинутых столиках, та самая стюардесса подмигивает и спрашивает:

– Кофе, чай, сок, вода?

– Яблочный сок, – говорю я.

Ненавижу яблочный сок, но в самолетах пью почему-то только его.

– Кофе. Черный, – говорит мой сосед, и я впервые слышу его голос.

***

Вообще-то, я совсем не такая. Я никогда в жизни не пробовала то, что называется случайными связями. У меня никогда не было секса на одну ночь. Я никогда не целовалась на танцполе с только что встреченным мужчиной. Все мои отношения начинались как положено – с кофе, поцелуя на

втором свидании и постели на третьем. Именно постели. У меня дома, на нормальной кровати и белых простынях. Чтобы сначала душ, потом тоже душ, а утром завтрак. Чтобы свои шампуни, кремы, умывалки и мицеллярная вода. Свежее белье, новое полотенце, зубная щетка, любимые духи и нормальная одежда на работу, а не влезать во вчерашнее со следами страсти.

Потом можно разойтись и поразвратничать, почему нет? И минет в машине, и секс в лесу, стоя прижатой к дереву, и петтинг шаловливыми пальчиками на задних рядах в кинотеатре – я отлично умею развлекаться и совершенно не стесняюсь экспериментов в сексе. Просто все эти эксперименты должны быть с кем-то, кого я уже допустила в свое интимное пространство, кому разрешила меня коснуться.

Да и зачем мне нужны эти проходные любовники? Настоящая близость и самое лучшее удовольствие приходят, когда двое уже изучили друг друга, нашли правильные позы и приемы, попробовали все, что было интересно и научились гарантированно доставлять наслаждение друг другу. Довести меня до оргазма не так уж просто – нужно знание, умение, терпение и главное, желание слушать, что я говорю. И то с первого раза не получится, потому что я не расслаблюсь. Не всем везет быть легко взрывающейся штучкой, но я не жалею, потому что потом – о, потом открываются такие горизонты...

Когда я нашла своего мужа, он искренне считал, что если все делать как в порно – результат гарантирован. Если бы мы сразу бросились в объятия друг другу – это была бы катастрофа. Даже наш первый раз был полным отстоем: он сменил десять поз за десять минут, я устала, запыхалась и у меня свело судорогой ногу, но мы не только не приблизились к моему оргазму, мы растеряли даже то возбуждение, что уже было. Так и не кончив – я уже не могла, он тоже как-то разочаровался, мы просто заснули. И попробовали в следующий раз только потому, что за время свиданий уже влюбились друг в друга и не готовы были терять это чувство из-за неудачного секса. И не сразу, совсем не сразу, мы притерлись и поняли, что и как работает для нас лучше всего.

Муж был лучший любовник в моей жизни. В браке был лучший секс в моей жизни. За несколько лет нашего брака не наберется и трех недель без секса. По объективным причинам – например, мне делали операцию, хотя уже через три дня, едва я смогла вставать, я уже отсасывала мужу прямо в больничном коридоре, спрятавшись за кофейным автоматом. Или он уезжал в командировку, а жаркий виртуальный секс, конечно, был горяч и долго потом служил нам вдохновением после возвращения, но по-честному не в счет. Я думала, это продлится до старости. Но жизнь любит обламывать наивных дурочек.

Так что я никогда бы не поверила, что могу просто встать и пойти с незнакомым мужчиной в хвост самолета, запереть-

ся там в туалете и дать себя оттрахать до искр из глаз, совершенно не думая о гигиене, оргазме и душевной близости! А он всего лишь дотронулся до моей руки...

***

Это долгий перелет. После еды выключают свет и почти все пассажиры засыпают. Кто-то смотрит кино, кто-то включил подсветку и читает – но это далеко впереди, в нашей части салона темно. И между нами все еще искрит.

Он снял галстук, расстегнул верхние пуговицы бледно-голубой рубашки – боже, я хочу видеть, как она оттеняет его синие глаза в солнечном свете! Стюардесса уже не раз и не два прошла мимо, как бы случайно задев его бедром, потом наклонилась так, что ее грудь потерлась о его щеку и предложила еще кофе, еще воды, второй плед. Говорят, в больших самолетах есть помещения для экипажа, где трахаться немного удобнее, чем в туалете. И очередь не встретит заинтересованными взглядами.

Но он, кажется, даже не замечает всех этих знаков внимания, ему почему-то интересна восторженная хипстерша в растянутом свитере и искусанными – им же! – губами. Его руки постоянно путешествуют по моим бедрам, он наклоняется и шепчет:

– Я все еще тебя хочу.

А я вижу. Классический костюм недостаточно свободен

для того, чтобы скрыть его стояк. И я тоже все еще его хочу. Вот прямо это...

Я тянусь рукой и сжимаю его член через ткань. Качественную такую. Сразу чувствуется дорогой материал, погладить приятно. Поднимаю глаза и непроизвольно облизываю губы – таким жаром обливают меня синие глаза. Он смотрит на мой язык, еле заметно улыбается и кивает:

– Давай-ка поменяемся местами.

Я не знаю, что он хочет сделать, но послушно выбираюсь в проход, пропуская его к окну. И только когда он накрывает меня и себя пледами, а потом нежно укладывает мою голову к себе на колени, поглаживая по плечу, я понимаю его коварный план.

Здесь так многие устроились – кто-то один из пары спит на коленях у другого, поджав ноги, а потом меняются, чтобы получить хоть немного нормального отдыха. Дети у матерей, парни у девушек, жены у мужей. И мы – притворяемся такими же. На нас никто не смотрит. Только он накрывает мою голову краем пледа, а я расстегиваю там, в душной темноте, его брюки и тут только замечаю, что белья на нем нет.

Ах вот как! Я надеваюсь ртом на его член, и слышу учатившееся дыхание. Тяжелая рука ложится мне на голову, он откидывается в кресле и легко-легко надавливает, направляя в нужные моменты.

Но меня не нужно понукать, я и сама жадно облизываю доставшийся мне приз, жалея только о том, что не могу

как следует его рассмотреть. Ощупываю языком – длинный, жилистый, не слишком толстый, с небольшой головкой, которую так удобно обводить по краю и выбивать судорожный вдох, чувствовать напрягшиеся мышцы живота. Шелковая кожа скользит под напряженными губами, я стараюсь не увлекаться, чтобы не нарушить нашу конспирацию. Но все равно увлекаюсь, ускоряюсь, наслаждаюсь.

Я не особо люблю минет, но это не минет ради его удовольствия – это мое желание трогать и трогать, облизывать, сжимать, щекотать кончиком языка. И все кончается даже слишком быстро. Он напрягается, я чувствую, как каменеют мышцы бедер под моей щекой – и кончает. Хрипло стонет, закашливается, пряча этот стон от окружающих. А я глотаю терпкую сперму, потому что сплевывать ее некуда.

Выбираюсь из-под пледа, еще более взъерошенная, чем до этого. Он прижимает меня к себе, притискивает мою руку к своей груди и неожиданно целует – долго и крепко. Я так не привыкла, я должна почистить зубы после... всего. Но его, кажется, совершенно не волнует, где только что были мои губы.

Я откидываю кресло и довольно улыбаюсь, глядя как он застегивает свои брюки. Он поворачивается ко мне и его рука забирается под мой плед. Он убирает подлокотник между креслами, обнимает меня и шепчет на ухо:

– Твоя очередь.

Тогда я всего лишь повернулась к окну – люблю смотреть как взлетает самолет, как скучные фонари на шоссе превращаются в россыпь золотых бусин, любоваться странными узорами света в ночном городе.

Он всего лишь наклонился вперед – хотел посмотреть на взлет. Может, ему тоже нравятся огни ночной Москвы. Только меня окутало его запахом – свежим, древесным, легким, но при этом проникающе-мужским, так что я замерла и втянула носом воздух. Не хотелось выдыхать.

Но я отклонилась, чтобы не загоразивать ему иллюминатор, и он придвинулся еще, практически прижав меня к креслу. Я думала, насколько вежливо будет указать ему, что так делать не надо, но ничего не говорила, потому что мне нравился этот запах и мужское тело, и да, у меня давно никого не было, я развелась три года назад!

Тем более, что я помнила – такие как он никогда не обращают внимание на таких как я. Вот если бы у меня был сороковой размер одежды, загар, накачанные губы, нарощенные волосы, безупречный макияж и прочие мелочи вроде обтягивающих платьев и каблуков, тогда да. Можно рассчитывать на легкий флирт, приглашение в ресторан и пару ночей в Four Seasons. Ну или хотя бы в Hard Rock Hotel.

А такие как я остаются невидимыми – недостаточно кра-

сива для женщины, недостаточно влиятельна для партнера, а также не имею внешних признаков обслуживающего персонала.

Поэтому почти лег он на меня, вжимая в окно вовсе не потому, что хочет быть поближе, а потому, что я скорее неодушевленный предмет, который мешает наслаждаться видом. Это не обидно, это нормально и привычно. Просто два разных мира. Мне его мир тоже не особенно интересен.

Но... его запах. И дыхание. Глубокое и быстрое, словно его волнует вид за окном. Меня уже нет. Я отодвинулась и закрыла глаза, я думаю о том, что надо бы купить какой-нибудь мужской аромат в дьюти-фри и нюхать иногда, чтобы в таких ситуациях не сносило крышу. Но что делать с твердой грудью, которая так беззастенчиво вжимается в мою – мягкую? Ее чем заменить?

Ладно, хватит.

Я открыла глаза, чтобы сказать ему, что, извините, мне нужно больше личного пространства... и поняла, что он давно не смотрит в иллюминатор.

Он смотрит на меня. И глаза у него непристойно, невероятно синие, таких у людей и не бывает. Или бывает, но очень, очень редко. И когда такой весь «не-для-меня» мужчина смотрит на такую всю «не-того-круга» с отчетливо читающимся желанием, тоже бывает очень, очень редко.

Почему сейчас?!

Почему со мной?!

Я ведь понятия не имею, что делают в таких случаях! И даже если я совсем не против, я не знаю, как это показать!

Я могу только опустить глаза, повести плечом, оттесняя его от себя, извиниться и закрыть шторку иллюминатора. Потому что самолет давно взлетел над облаками, и там только темнота.

И на этом все должно закончиться. И он даже отодвигается от меня, оставляя ноющее в душе сожаление о потерянных шансах.

К счастью, он как раз имел понятие, что делают в таких случаях.

Потому что через секунду он прикоснулся к моей руке, и я дернулась от прошивающего меня разряда. Мне показалось, что в кровь выплеснулось с пол-литра адреналина, сердце взяло разгон на двести ударов в минуту и... это приглашение.

И только от одного моего жеста зависит – приму я его или окончательно уйду в грезы о несбывшемся.

Я вспомнила главный урок, который вынесла из чтения Декамерона в детстве – лучше делать и каяться, чем не делать и каяться.

И сжала его руку.

А дальше все сделал он – отстегнул мой и свой ремень, вытащил меня в проход, повел в хвост самолета, затолкнул в узкий туалет, где вдвоем даже стоять тесно и первым делом поцеловал так, что зубы стукнулись о зубы, перестало хва-

тать дыхания – а я-то думала, это художественный оборот от тех, кто никогда не целовался и не знает, что в процессе на все хватает воздуха. Нет, это, оказывается, смотря как целоваться!

И только потом развернул меня к раковине, расстегнул ремень...

Нет, похоже, он готовился. Да и наплевать! Я хотела этого траха так, как никогда не хотела никакого секса в своей жизни. И он дал мне именно то, что надо.

***

Что его пальцы творят, о боже!

Он помогает мне стянуть спортивные штаны до середины бедер, заботливо укутывает пледом, но пальцы там, внизу, внутри, они занимаются каким-то совершеннейшим непотребством. Меня не надо разогревать, я уже так давно на взводе, я бы уже кончила, если бы у меня было хотя бы десять свободных секунд, чтобы стиснуть бедра и напрячь мышцы. Но он, кажется, вовсе не желает, чтобы это случилось так легко.

В то время как у меня между ног все влажно, мой клитор жаждет прикосновений сколь угодно жестких и готов выполнить свое предназначение – подарить мне божественный оргазм за авторством этого невероятного мужчины всего за три секунды, мужчина медлит. Он проводит пальцами по всей

длине между ног, добирается так глубоко и далеко, куда я и не собиралась его пускать, и снова возвращается куда положено, но перебирает складочки, будто играет с ними.

— Что ты делаешь? — шепчу я, глядя на него затуманенным взглядом.

Он устраивается напротив меня, близко-близко, смотрит в глаза. Я протягиваю руку и снимаю с него очки. Но взгляд остается таким же пристальным, не приобретая наивный и потерянный вид, как у всех близоруких.

Он не отвечает, но его пальцы наконец находят такое положение, в котором они так и не касаются набухшей головки клитора, но танцуют вокруг так целеустремленно и точно, что вместо одного короткого и яркого взрыва, внутри меня начинает расти щемящая теплая волна. Она проходит ту грань интенсивности, где был бы взрыв и все еще растет. И растет. И растет. И когда я уже не могу—не могу—не могу больше, я всхлипываю, а он закрывает мне рот поцелуем, останавливает на секунду бег пальцев, а потом делает что-то такое, что я просто превращаюсь в рай. Вся целиком. И хорошо, что мой рот запечатан, фиг бы кто поспал.

Когда я возвращаюсь в себя, синие глаза щурятся и смотрят насмешливо и пытливо.

А пальцы... продолжают. Снова издалека. Теперь они не стесняются проникать в меня, давить сильнее, двигаться жестче — но далеко от цели. И у меня есть время прийти в себя и почувствовать...

— О, да ты мультиоргазменная, — еле слышно шепчет он. — Это вызов.

И следующие полчаса я теряю себя. Я теряюсь в пространстве и во времени. Кажется, это уже не полчаса. Я в любом случае не понимаю, что происходит, и где я. Вторую его руку я закусываю, чтобы не орать, но, кажется, всхлипываю. На нас оглядывается стюардесса — это я замечаю. И на ее лице — зависть. Она-то повидала многое, ее пледом не обмануть.

Я кончаю.

Раз за разом.

Иногда мне кажется, что больше уже невозможно, но длинные пальцы доказывают мне, что я многое не знаю о своей анатомии.

— Сколько уже? Ты считаешь? — шепчет он. Когда он успел отобрать у меня свои очки и надеть их? Теперь у него очень строгий вид. Начальственный. Кажется, если я не сдам норматив по оргазмам, меня лишат годового бонуса. Или что у них там, в большом бизнесе катит за угрозы? Но я сдам...

И его член снова стоит.

Я больше не могу.

Это никогда не кончится.

Но в какой-то момент в самолете включается свет, пассажиров будят, начинают развозить завтрак, и он набрасывает плед на свои брюки, а я натягиваю штаны обратно. Мы синхронно смотрим в конец самолета на проход к туалету — но там уже выстроилась длинная очередь.

Он проводит большим пальцем по моим губам, дает мне его прикусить, и взгляд обещает – это еще не конец.

А я думаю, что конец.

Аэропорт

Самолет приземляется, к люку подкатывают трап, и мы выходим под невыносимо жаркое солнце Доминиканы. Оно сразу и ослепляет, и согревает, и обещает, что все здесь будет иначе. Зря я не переоделась в самолете. Хотя за все десять часов у меня так и не нашлось на это времени.

Одуряюще пахнет тропическим лесом и спелыми фруктами. У меня подкашиваются ноги – я имею право вообще упасть в обморок после такой интенсивной ночи. Ошалевшие беглецы из снежного ада медленно ковыляют к зданию аэропорта. Хотя какое там здание – это навес, покрытый листьями пальм, у него даже толком нет стен. Работники лениво выгружают наши чемоданы. Перспектива паспортного контроля хоть как-то организует, и люди наконец выстраиваются в очередь к будкам пограничников. Но не мы.

Он словно знает, куда свернуть, и еще не доходя до железных перегородок, вдруг заталкивает меня в неприметную дверь рядом с туалетами. Это какое-то хозяйственное помещение, где стоят инвалидные кресла, стопки пластиковых коробов, разноцветные ведра. Но тут больше места, чем в туалете самолета, и тут он выпарывает меня еще, и еще раз. Просто кончает один раз, снимает презерватив, надевает второй и продолжает без перерыва.

И даже разрешает кричать, потому что за дверью носятся

и орут попугаи – мои крики просто сливаются с их гомоном. А под конец разворачивает меня лицом к себе и неотрывно глядя в глаза, внаглую доводит меня до оргазма пальцами вот так, стоя, прямо через штаны.

И вот тогда мне кажется, что это – жирная, массивная, огромная, окончательная, охренительно невероятная точка в нашем лихом приключении. Это был самый короткий и незаметный перелет за всю мою прожитую жизнь. Это самый дикий секс за всю мою прошлую и будущую жизнь. Вряд ли я когда-нибудь забуду эту ночь.

На паспортный контроль мы с ним стоим в разных очередях. Так получилось случайно, но это значит, что границу мы пройдем вместе, и надо будет как-то неловко прощаться, что-то говорить. Или просто разойтись в разные стороны? Ну хоть спасибо надо сказать?

Я опять не понимаю правил этой игры. В гостинице я бы знала, что делать – вызвать такси и уехать. А что делают в ситуациях вроде нашей?

Мы приближаемся к пограничникам почти одновременно, я прохожу к офицеру первой и подаю паспорт. Кошусь назад – и вижу, что в начале соседней очереди нарисовалось целое семейство, которое отходило на время. И так получается, что я выхожу в зал прилета первой. И решаю, что раз так – можно и не прощаться.

Мой ярко-сиреневый чемодан видно на ленте издали, гида с табличкой турагентства я тоже замечаю моментально,

меня сажают в огромный автобус с затемненными стеклами, улыбаются, вручают буклеты, ожерелье из цветов и бутылку воды.

Я тоже улыбаюсь. И почти не грущу.

Я мысленно пинаю себя – не грущу совсем. Никто не должен грустить после таких приключений. Это память на всю жизнь, такого больше не будет. Но у подобных вещей есть свои правила, это я знаю. Одно из них – «не оглядывайся».

И я ведь не оглядываюсь. Я просто смотрю в окно и пью колу.

Я вижу, как он выходит в своем темно-сером костюме с бледно-голубой рубашкой, и очень жалею, что так и не оценила, как она подходит к его глазам. Потому что цвет костюма изумительно сочетается с его сединой, а все вместе, наверное, просто бомба. И галстук уже на месте. И не помялся совершенно, вот что значит хорошая дорогая вещь.

Оглядывается, ищет кого-то среди людей. Всматривается в толпы туристов, окидывает острым взглядом окна автобусов. А у меня тут шторка и темное стекло.

К нему подходит другой мужчина в костюме. Красивый. Местный – потому что мужчина черный, а костюм белый. Но от него отмахиваются. А синий пристальный взгляд все шарит по окрестностям, и я чувствую его даже тогда, когда автобус выезжает со стоянки и отправляется в мой отель.

Отель

В автобусе я тут же вырубилась после бессонной ночи. И пока оформляли номер, тоже спала, перекинув ноги через подлокотники кресла в лобби, потому что даже до дивана сил дойти не было. И успела немножко подремать в лифте в компании носильщика, пока ехали на мой этаж. И уж там, в своем номере, я моментально впала в кому и провела в ней несколько счастливых часов до вечера.

И только когда стемнело, наконец проснулась и пошла выяснять, куда же приехала.

Пользуясь моим состоянием, работники отеля спихнули мне номер с видом на ресторан и бассейн. Нормальные люди такого бы не потерпели и пошли требовать вид на океан, сад или хотя бы дорогу. Но я нет, я просто обожаю засыпать под звон бокалов и разговоры людей, иногда даже ставлю себе такие треки, когда мучает бессонница. Так что отдых начался отлично. Две недели рая!

Доминиканская республика – это турецкие курорты на максималках. Вместо моря – океан, вместо двадцати блюд из курицы – семь видов мяса, пять рыбы и не считано морепродуктов. Вместо узо и разбавленного пива – лучшие коктейли с карибским ромом, который льется рекой и стоит дешевле воды. К тому же в середине января здесь не в пример теплее Турции. А меня в отпуск выгоняют только в эти благосло-

венные дни посленовогоднего затишья, когда никто не ищет работу, не предлагает ее и все изрядно устали от праздников. Так что эйчарам можно выдохнуть и купить тур на тюлений отдых под пальмами – восстанавливать нервные клетки. Я, конечно, люблю Европу, люблю старые города и прогулки по ним. Даже музеи люблю.

Но.

После того, что творится в нашем отделе весь последний месяц года, на отдыхе хочется только:

1. Лечь в шезлонг.
2. Под пальмой.
3. С бокалом «пина коллады».
4. Иногда купаться.
5. Все.

Я переоделась в легкое белое платье и нырнула в жаркие объятия густой карибской ночи.

Я должна была увидеть океан!

В листве стрекотали какие-то насекомые, тяжело и сладко пахли тропические цветы, из бара доносился смех и звон бокалов. Я шла по дорожке между кустами, усыпанными мелкими белыми цветами, которые, казалось, светились в темноте. Но на самом деле это неярко мерцали фонари, спрятанные среди переплетенных ветвей.

В подсвеченном голубым бассейне плескались загорелые красотики, а смуглые мачо ловили их в свои мускулистые объ-

ятья и делали это так, что хотелось отвернуться в смущении. Я прошла мимо них к пляжу, и меня тут же позвали присоединиться – какой купальник, ныряй так! Секунду или две я даже колебалась, но океан звал сильнее.

На пляже было темно. Я оставила босоножки у последнего отельного фонаря и побежала по песку, ныряя в беззвездную ночь и шум океана.

Он был большой и теплый, пах ветром, солью, дальними странами и... марихуаной?

Ой, нет, это уже не океан.

Рядом со мной из темноты проявилась белозубая улыбка, а вот владелец как ее, так и двух наглых рук, нагло схвативших меня за талию, так и остался в темноте.

– Синьора, мадам, госпожа, леди, – скороговоркой шепнул он мне на ухо. – Мисс, девушка-красотка, не желаешь развлечься! Все есть – хочешь гашиш, крэк, чего-нибудь веселенького? Хочешь танцевать всю ночь? Хочешь меня? Я сильный, я могу всю ночь танцевать, весь день тебя любить и снова всю ночь танцевать!

Ну вот зачем он мне напомнил?

Я вывернулась из объятий, меня легко отпустили:

– Захочешь повеселиться, найди меня!

И дальше пошел.

Конечно, я хочу повеселиться!

Я вернулась к босоножкам, подхватила их и...

Пошла в отельный бар.

По пути меня еще раз позвали на вечеринку в бассейн – кажется, там стало еще больше людей и еще меньше одежды. У стойки я даже задерживаться не стала, но даже за дальний столик ко мне тут же подсел белозубый темнокожий красавчик с положенным количеством кубиков на животе и привычными отточенными манерами жиголо. Сразу руку на спинку стула, моментально принести коктейль, «у тебя такие красивые глаза» и приглашение потанцевать.

Когда я только развелась, я купила большую пачку презервативов и билеты в Италию. Отпуск на работе мне нарисовали вообще без слов – только взглянув на опухшую морду и количество выкуренных сигарет. Я летела в Римини с твердым намерением истратить все презервативы в первые же три дня. Говорят, если хочешь вылечить разбитое сердце – никого нет лучше итальянцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.